

УДК 323.1(470.57)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ*

А.С. ЩЕРБАКОВ*Северо-Западная академия
государственной службы,
г. Санкт-Петербург***e-mail:** as19792004@mail.ru

В статье рассматриваются особенности динамики этнической идентичности русского населения Башкортостана в условиях формирования и современного состояния данной этнической группы.

Ключевые слова: русские, Башкортостан, идентичность, этничность.

Русское население составляет по своей численности самую большую этническую группу в Башкортостане. По результатам Всероссийской переписи 2002 г. в республике насчитывалось 1490715 человек (36,3% от всей численности региона)¹. В течение длительного времени русское население проживает на территории, издавна заселенной различными этническими общностями. Поэтому Республика Башкортостан представляет для исследователей большой интерес в плане изучения поведения крупной этнической группы в условиях полиэтничной среды. Исследование русских в республике позволит объяснить прошлое и спрогнозировать будущее культурное и политическое развитие региона и, в конечном счете, способствовать выработке подходов к этнонациональной политике в республике и стране.

Русские Башкортостана отечественной наукой изучались крайне недостаточно. Причины слабой изученности крупнейшей этнической группы в регионе – в особенностях развития региональной историографии и влиявшими на нее парадигмами советской национальной политики. Изучение русских Южного Урала сдерживалось еще и спецификой заселения этой территории восточными славянами, поздней по времени и перманентной по продолжительности миграцией сюда людей одновременно из различных мест Центральной России с их последующей миксацией, что препятствовало сложению устойчивых этнокультурных групп. Это обстоятельство нередко приводило дореволюционных исследователей к выводу, что «одежда, жилища, обряды и прочее те же, как и у русских крестьян других губерний Европейской России и более или менее известны каждому», а по сему и изучать их вроде бы нецелесообразно². Нельзя не отметить и то, что вплоть до конца XIX в. этнические проблемы были не столь актуальными для общественности, как в последующее время. Этническая идентичность еще только готовилась занять то место в социальной жизни, которое принадлежит ей сегодня.

В современной российской литературе многими исследователями проводится мысль об отсутствии каких-либо привилегий для русских в условиях Российской империи, и даже делаются попытки представить их положение чуть ли не многим хуже, чем «иностранцев» (в частности, указывается на то, что, скажем, у башкир отсутствовало крепостное право), однако, в действительности это справедливо лишь по отношению к отдельным явлениям. Не обладая ярко выраженными конкретными привилегиями перед «иностранцами», русские как государствообразующая общность, как ос-

* Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., шифр заявки 2011-1.4-306-016-002. Тема проекта: «Исследование современных политических процессов: объекты, механизмы развития, региональные аспекты».

¹ По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., таковых было 1548291 (39,3 %).

² Литунковский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878. С.81 – 82.

новые носители государственной идентичности имели своеобразную «коллективную» привилегию, что выражалось в больших возможностях для социальной мобильности по горизонтали и вертикали, более широком доступе к управлению страной, возможностью влиять на ее политическое развитие, ее культуру, все то, что и делало данную территорию «Россией». Поэтому быть русским во многие периоды истории страны было престижно³.

Индивидуумы или группы, вдруг превратившиеся в силу разных причин в «русских», становились таковыми при составлении статистических сводок, проведении ревизий/переписей, полевых и прочих исследований. Но можно ли полагать, что перемена идентичности с аборигенной на русскую происходила (и происходила ли вообще?) синхронно с остальными качественными отличительными этническими признаками, с забвением коллективной памяти о происхождении, утраты комплекса собственной обрядовой культуры и т.д.? Одним из факторов, способствовавшим смене идентичности была христианизация (распространения православия).

Принятие православия (неважно, насильственным или мирным путем) открывало для нерусских этносов широкие возможности для интеграции не только в состав Российского государства, но и в состав русского народа, снимало целый ряд препятствий для массового распространения смешанных браков с русскими и позволяло изменять свою идентичность на русскую. До 1917 г. значение религии в этих процессах было исключительно велико⁴.

Наибольшему воздействию со стороны православия в досоветское время подверглись этносы, которые дольше других придерживались языческих верований: мордва, марийцы, чуваш, удмурты. Принятие ими христианства инициировало у части их процессы идентификационных изменений, которые в XX в. приняли ассимиляционные формы⁵. Надо сказать, что глубокое межэтническое взаимодействие восточных славян с финно-угорскими племенами началось еще во времена раннего средневековья, никогда не прерывалось и в целом носило характер интеграции с последующей ассимиляцией. В русском дискурсе существовал особый позитивный образ финно-угров⁶.

Поскольку конфессиональная идентичность была во многом определяющей и являлась идентификатором в первую очередь русского населения, принятие православия облегчало перемену аборигенной идентичности на русскую. Надо сказать, что эти вопросы представляют огромную, если вообще поддающуюся разрешению исследовательскую проблему. При оценке демографических процессов у народов Южного Урала необходимо учитывать, что кроме традиционного разделения местных этносов по конфессиональному признаку на две группы – сохранившую свои исконные верования и принявшую православие – существовала еще одна группа, состоявшая из тех, кто с крещением сразу или постепенно изменил свою идентичность на русскую. При этом эти «новорусские», являясь «русскими» по самосознанию, могли сохранять многие черты прежней, нерусской этнической культуры. Трудность исследования этих процессов заключается в том, что если группы, исповедовавшие традиционные верования или новокрещены, поддаются какому-то количественному анализу, поскольку в той или иной степени довольно прозрачно представлены в источниках, то группы, изменившие свою «этническую» идентичность на русскую, в общих статистических сводках XVIII – XX вв. совершенно не отражаются. Эту проблему вряд ли можно будет вообще когда-нибудь решить адекватно, поскольку до XX в. само поня-

³ В.А. Тишков даже отметил комфортный статус русских. См.: Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989 – 2004 гг. М., 2005. С. 46.

⁴ Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 342.

⁵ Этот вопрос был не так давно подробно изучен финским этнодемографом С. Лаллукой. См.: Лаллука С. Восточно-финские народы России. СПб., 1997.

⁶ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 166.

тие этнической идентификации в современном понимании этой дефиниции отсутствовало и, соответственно, не могло найти отражение в тогдашней статистике. Но и в XX в. это почти неуловимое явление динамики идентичности не находило отражения в переписях населения, поскольку методика его хотя бы частичной фиксации до сих пор не разработана.

Из сказанного можно сделать вывод, что русское население региона складывалось не только путем миграций и естественного прироста, как обычно считается, а еще и благодаря вливаниям в него значительных групп нерусских, преимущественно православных этнических групп, которое происходило на протяжении всей истории взаимодействия русских с местным населением на этой территории. Но существующие на сегодняшний день исследовательские методики почти не позволяют уловить эти идентификационные перемены. Идентификационные изменения не отражаются в итоговых материалах переписей, они трудны для фиксации и требуют проведения выборочных этносоциологических и полевых этнографических исследований⁷.

Наряду с процессами интеграции части нерусского населения в русскую среду имели место и явления дифференциации и сепарации русских Башкирии с последующим выделением из последних групп, которые в дальнейшем были признаны в качестве самостоятельных этносов. Здесь также существенную роль играли политические мероприятия имперских властей и коллективные представления творческой элиты на том или ином хронологическом этапе. Это видно на примере украинского населения Башкирии.

Наличие или отсутствие (точнее, учет или не учет) украинцев в составе русских обуславливались изменениями семантики понятия «русские» в разные исторические периоды. В составе русского населения существовали латентные нерусские этнические группы, особенно славянские, которым было проще переходить в русскую идентичность в силу культурной, языковой и конфессиональной близости с русскими. Для славян, а также для финно-угорского населения высота «барьера отторжения» от русских либо отсутствовала вообще, либо была очень низкой⁸. Когда в эпоху формирования национализма появилась возможность заявить о ранее скрываемой идентичности или «вспомнить» (актуализировать) ее, произошло выделение из «русского» массива в разное время вошедших в него компонентов, которое, к сожалению, невозможно точно описать количественно.

Изменения идентичности облегчались самой идеологией империи: «Этнические границы русской нации также понимались по-разному – сторонники тождества понятий *русский* и *великорусский* вплоть до развала империи оставались в меньшинстве, доминировала идея общерусской нации, объединяющей всех восточных славян. Но и восточнославянская этничность не была жестким барьером..., неизменно положительным было отношение к ассимиляции финно-угорских групп. Значительное число обрусевших и христианизированных татар и среди русских крестьян, и среди русских дворян ни для кого не было ни секретом, ни проблемой, что отражает и известная русская поговорка: «поскреби русского, найдешь татарина»⁹.

Но было неверно сводить динамику численности русских исследуемого региона только к одной проблеме – интеграции в него нерусского населения. Как свидетельствуют имеющиеся материалы, эволюция понятия «русский» шла по пути его сужения от «сословного» (т.е. «русского» в широком смысле) к узкоэтническому. К этому можно добавить, что с середины XIX в. в практической деятельности Российского государства на поприще формирования русско-православной идентичности происходят существенные изменения. В частности, в Поволжье и Приуралье рост

⁷ См. об этом: Кучумов И.В. К проблемам идентичностей и межкультурного взаимодействия. Уфа, 2010. С. 92 – 94; Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтнической среде. Уфа, 1992. С. 12 – 21.

⁸ Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых. С. 346.

⁹ Он же. Империя Романовых и национализм... С. 71.

влияния татарских элит и ислама заставили идеологов русского проекта национального строительства в регионе Н.И. Ильминского, В.В. Григорьева и их последователей перейти к тактике поддержки отдельных, особых этнических идентичностей народов Поволжья и Приуралья¹⁰. Курс на фрагментацию инородческих идентичностей¹¹ (который на новом уровне и иными средствами был продолжен большевиками после их прихода к власти) должен был привести если не к приостановке, то во всяком случае к замедлению процесса поглощения нерусских групп русскими. С начала XX в. получают распространение представления о русских в сугубо этническом, «узком», ключе.

Уже с начала XX в. в процессе бурного подъема национальных движений и в том числе мощного украинского начинается «возвращение» украинцев в российскую статистику (в частности, можно назвать подворную перепись крестьянских хозяйств Уфимской губернии 1912 – 1913 гг.). Процесс этого «вспоминания» продолжался и позже – после начала социалистического строительства, когда этнический фактор, ранее не являвшийся основным в идентификационных характеристиках или отсутствовавший вообще, вышел на первое место, когда были созданы административно-территориальные образования по этническому признаку. Примером этого является резкий скачок численности украинцев в регионе: по сравнению с 1912 г. их количество в 1920 г. возросло почти на 60%¹², хотя исследователи склонны объяснять эти явления, имевшие место в первой четверти XX в. исключительно механическим движением населения. Последнее отрицать, разумеется, нельзя, но и сбрасывать со счетов отмеченное выше не стоит.

При советской власти этничность, как верно заметил В.А. Тишков, «не только спонсировалась, она всячески «национализировалась», в СССР проводилась политика поощрения этнонационализма, характеризующаяся наделением «социалистических наций» своими территориями, столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т.д.¹³ Несмотря на развернувшееся в советское время мощное «сближение наций», проявлявшееся в устранении барьеров, ранее препятствовавших интенсивному межэтническому общению (например, религиозных), росту мобильности населения в результате изменения экономического уклада, модернизации и т.д., процесс превращения всех жителей страны в русских, о чем мечтали некоторые отечественные мыслители и политики в XIX в., резко замедлился и на официальном уровне напрямую не поощрялся. Это также способствовало замедлению ассимиляционных процессов и в конечном итоге отражалось на объектах этнической статистики.

На конфигурацию (и, соответственно, численность) групп и общностей, которых мы сегодня считаем этническими, большое влияние оказывал современный им идеологический дискурс. Это влияло на представления о том, кого считать русскими и что понимать под этим словом. До XX в. были широко распространены расширительные трактовки «русскости», на смену которым пришли современные, более «узкие» представления. Соответственно, имеющиеся в литературе данные о численности русского населения исследуемого нами региона в тот или иной отрезок времени мало сопоставимы друг с другом на протяжении больших хронологических периодов, ибо являются в первую очередь количественным выражением дискурсивных практик, присущих своей эпохе.

Привлечение разнообразных источников и исследований позволяет подтвердить сформулированный в свое время В.М. Черемшанским вывод о сложном составе и отсутствии единой русской культуры в Башкортостане в дореволюционное время. В

¹⁰ Он же. Русский национализм в империи Романовых. С. 342.

¹¹ Там же. С. 342 – 343.

¹² Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых. С 36 – 37.

¹³ Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 578, 595.

этом плане русские Южного Урала ничем не отличались от своих русских соседей на Среднем Урале. Более того имеющиеся материалы позволяют предположить, что в течение длительного времени на этой территории отсутствовала и единая русская идентичность, которая, вероятно, сложилась уже в советское время под влиянием модернизации, интенсификации коммуникационных контактов, внедрению всеобщего среднего образования, СМИ и т. д.

До революции на Южном Урале образовались (а точнее были образованы российским государством) две «привилегированные» группы населения – русские и башкиры. Первые до прихода к власти коммунистов обладали привилегиями большей частью неформально, вторые – на основе значительного корпуса правовых норм. На практике это приводило к идентификационным изменениям у окружающего небашкирского и нерусского населения: часть его становилась «русскими», а часть – «башкирами». Переходы же представителей привилегированных групп в «непривилегированные» группы, как свидетельствуют источники, были не столь широко распространены. В советское и постсоветское время формальные акты о привилегиях были упразднены, но неформальные привилегии сохранились, что в рамках теперь уже административных границ БАССР/РБ привело к продолжению (но в иных масштабах и иного качества) прежних процессов.

Тот ограниченный круг вопросов, который мы постарались затронуть, позволяет сделать некоторые общие выводы об особенностях идентичности русского населения в условиях такого полиэтнического региона, как Башкортостан.

Во-первых, русские не сложились на исследуемой территории в особую локальную общность, хотя некоторые признаки ее имеются. Причиной этого было отсутствие возможностей для формирования локальной идентичности, в том числе отсутствие пропаганды «локальности», локальной идеологии и механизмов ее выражения.

Во-вторых, русские, являясь открытой для межкультурного диалога группой, отличаются высокой степенью адаптации к иным культурам, что облегчается проводимой государством политикой, основанной в той или иной мере на ценностях и базовых составляющих русской культуры. Русские представляют собой неустойчивую общность, которая в разные периоды истории неоднократно меняла свою конфигурацию, успешно приспосабливаясь к изменяющимся условиям среды. В состав русских входили значительные группы населения, имеющие неславянское происхождение. Исходя из этого, русских на исследуемой территории целесообразно с научной точки зрения определять не как этнос (этническую группу), а как этнополитическую общность.

Наконец, в-третьих, можно сделать вывод, что взаимодействуя с этносами, ставшими близкими по культуре в силу длительной ассимиляции, русские все же сохраняют обособленность от наиболее крупных этнических групп региона. Тем самым следует признать несостоятельными пропагандировавшиеся в советской литературе постулаты о сближении этнических культур на территории республики. В сельской местности преимущественно русские населенные пункты преобладают над смешанными. Города в основном остаются русскими по своему этническому составу. Для русских в целом характерен невысокий процент смешанных браков с башкирами, татарами, другими этносами республики. Крайне низкие показатели владения языками местного населения также свидетельствуют о невысокой степени интеграции русских в существующую в регионе тюркскую культуру. Несмотря на интенсивно проводимую в регионе в XX – XXI вв. политику «национализации», русские остались, в целом, невосприимчивы к культурам проживающих здесь многочисленных этносов, хотя и восприняли их отдельные элементы.

FEATURES OF ETHNIC IDENTITY OF RUSSIAN POPULATION OF BASHKORTOSTAN AND SOME TENDENCIES OF ITS TRANSFORMATION

A.S. SHCHERBAKOV

*The North-West Academy
of Public Administration,
St.-Petersburg*

e-mail: as19792004@mail.ru

The article deals with features of the dynamics of ethnic identity of the Russian population of Bashkortostan in the formation and current status of this ethnic group.

Key words: Russian, Bashkortostan, identity, ethnicity.